

© 1993 г. БОМХАРД А.Р.

РАЗВИТИЕ ЛИЧНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ АТЕМАТИЧЕСКИХ ГЛАГОЛОВ В ПРАИНДООЕВРОПЕЙСКОМ

1. Введение.

Данная работа состоит из двух частей. В первой части используется сравнительный метод с целью реконструкции окончаний атематических глаголов в позднем праиндоевропейском; во второй применяется метод внутренней реконструкции, дающий возможность проследить доисторическое развитие этих окончаний в праязыке и высказать предположение об их возможном происхождении.

Хотя в некоторых из дочерних и.-е. языков имеются окончания двойственного числа, они не будут рассмотрены в настоящем кратком исследовании, поскольку, вероятнее всего, история этих окончаний начинается в период после распада и.-е. праязыка [1, с. 46]. Аналогично, не будет рассматриваться и аугмент, употребляемый в сочетании со вторичными окончаниями в греческом, армянском и индоиранских языках [2, с. 242; 3, с. 277—278]. Уоткинс [11, с. 40] абсолютно прав, считая это явление результатом позднейшего диалектного развития.

2. Первичные окончания.

Так называемые "первичные" личные показатели глагола легко выводятся из так называемых "вторичных" путем прибавления к ним дейктического показателя *-i [4, с. 4; 5, с. 314]. Невозможно оспаривать древность первичных окончаний, так как они отражены во всех древних дочерних языках, включая хеттский:

	Хет.	Скр.	Греч.	Праин.-е.
1 л. ед. ч.	<i>e-eš-mi</i>	<i>ásmi</i>	<i>εἰμι</i>	* <i>Hés-m-i</i>
2 л. ед. ч.	<i>e-eš-ši</i>	<i>ási</i>	<i>εἶ</i>	* <i>Hés-s-i</i>
3 л. ед. ч.	<i>e-eš-zi</i>	<i>ási</i>	<i>ἐστί/ἐστί</i>	* <i>Hés-t-i</i>
1 л. мн. ч.	<i>e-šu-wa-ni</i>	<i>smás(i)</i>	<i>ἐσμέν</i>	* <i>(H)s-mé-(n/s)</i>
2 л. мн. ч.		<i>sthá</i>	<i>ἐστέ</i>	* <i>(He)s-té</i>
3 л. мн. ч.	<i>a-ša-an-zi</i>	<i>sánti</i>	<i>εἰσι—*εντι</i>	* <i>(H)s-é/ón-t-i</i>

Поскольку вторичность первичных окончаний не вызывает сомнений, дальнейшее изложение будет посвящено в основном вторичным личным показателям глагола.

3. Вторичные окончания.

Так называемые "вторичные" окончания представляют собой древнейшие формы личных показателей атематических глаголов. Можно полагать, что первоначально эти окончания были полифункциональны [4, с. 4]. Так называемый "инъюнктив" в санскрите — это след такого полифункционального употребления [5, с. 299].

В дочерних языках вторичные окончания представлены в следующем виде:

	Хет.	Скр.	Греч	Праи.-е.
1 л. ед. ч.	<i>e-ṣu-un</i>	<i>āsam</i>	ῥα	* <i>Hés-m</i>
2 л. ед. ч.	<i>e-eṣ-ta</i>	<i>ās</i>	ῥσθα	* <i>Hés-s</i>
3 л. ед. ч.	<i>e-eṣ-ta</i>	<i>ās</i>	ῥν, дор. ῥς	* <i>Hés-t</i>
1 л. мн. ч.	<i>e-ṣu-u-en</i>	<i>āsma</i>	ῥμεν, дор. ῥμες	* <i>(H)s-mé</i>
2 л. мн. ч.	<i>e-eṣ-te-en</i>	<i>āsta</i>	ῥστς	* <i>(He)s-té</i>
3 л. мн. ч.	<i>e-ṣe-ir</i>	<i>āsan</i>	ῥσαν, дор. ῥυ гом ῥν	* <i>(H)s-én-t</i> (* <i>[H]s-ér</i>)

Легко видеть, что различия между дочерними языками в том, что касается форм вторичных окончаний, значительно существеннее различий в формах первичных показателей. Это связано с тем фактом, что в каждом из дочерних языков имела место инновация. Следовательно, необходимо предпринять детальный анализ каждой из форм, что позволит устранить все неясности прежде, чем мы перейдем к рассмотрению доисторического развития обсуждаемых личных показателей глагола.

4. Окончание 1 л. ед. числа.

Окончание 1 л. ед. ч. атематических глаголов восстанавливается в виде *-*m*:

В хеттском представлено окончание *-un*. Для того чтобы объяснить эту форму, предпринимались многочисленные попытки, но наиболее убедительным кажется объяснение, предложенное Бенвенистом [6, с. 16—18]. Бенвенист реконструирует протохет. **u-m* и связывает это *-u-* с окончанием, представленным, например, в скр. 1 л. ед. ч. прош. вр. *jajñāu*. В результате наращения *-m* в протохеттском это закономерно дало хет. *-u-n* [7, с. 109; 8, с. 45].

В санскрите представлено окончание *-am*, являющееся результатом обобщения превокального показателя *-*m* [9, с. 595—596].

Греч. ῥα является закономерным результатом развития формы **és-m* (← **He-Hes-m*).

Остальные дочерние языки содержат как прямые, так и косвенные свидетельства того, что окончание 1 л. ед. ч. в праязыке имело вид *-*m*. Прямое свидетельство, например, др.-лат. *siem* [← опатива **s-uĕ-m* (ср. скр. *s-uā-m* и гом. греч. εἶην←ε-σ-ιη-v)]. Косвенные доказательства обнаруживаются в первичных окончаниях многих других дочерних языков, например: литов. *esmi*, гот. *im*, церк.-слав. *jestь* и т.п.

5. Окончание 2 л. ед. числа.

Окончание 2 л. ед. ч., по всей вероятности, реконструируется в виде *-*s*:

Стертевант [8, с. 141] полагает, что хеттское окончание *-ta* восходит к форме 3 л. ед. ч. Мы остановимся на этом подробнее ниже (§ 12).

Скр. *ās* — из **és-s* (← **He-Hes-s*).

Греческое окончание -(σ)θα заменило регулярный показатель, заимствовано из перфекта, например, οἶσ-θα [10, с. 245]. В греческом представлены также формы на -ς, например, εἶης [← опатив **s-uĕ-s* (ср. скр. *s-uā-s* и др.-лат. *siēs*)]. В эолийском представлена первичная форма ἐσσι̯.

Другие свидетельства в пользу того, что окончанием 2 л. ед. ч. было *-*s*, обнаруживаются в таких, например, формах, как упоминавшееся выше др.-лат. *siēs*; др.-прусс. *-s*, например, в *weddeis* "свинец"; гот. *-s*, например, в *nimais* "... (который тебе) нужно взять".

6. Окончание 3 л. ед. числа.

Окончание 3 л. ед. ч. атематических глаголов восстанавливается, как представляется, в виде *-*t*:

Фонемный состав в хет. *e-eš-ta* можно интерпретировать как /est/ [8, с. 141; 11, с. 169—170].

В скр. *ās* и греч. (дор.) *ἥς* конечное *-t* было утрачено [10, с. 245] Аттич. *ῆν* — это по происхождению окончание 3 л. мн. ч.

Вторичное окончание сохранилось, например, в др.-лат. *sied* [← **s-yē-t* (ср. скр. *s-yā-t* и гом. греч. *ἐῖη*)].

7. Окончание 1 л. мн. числ.

Данное окончание атематических глаголов восстанавливается, по-видимому, как **-me*:

В хеттском закономерно первичное окончание *-menī* и вторичное *-wen* (с соответствующими аблаутными вариантами). Согласно Стертеванту [8, с. 140], хеттское окончание соотносится с исходным **we-*. Именно это окончание было позднее использовано для формы 1 л. дв. ч. в неанатолийских дочерних языках. Варианты *-menī* и *-men*, соотносимые с соответствующими вариантами в санскрите и греческом, представлены в хеттском только в положении после *-u-*. Ниже (§ 13) мы рассмотрим вопрос о взаимоотношениях этих двух наборов окончаний подробнее.

Скр. *āsta* < **ēs-me* (← **He-Hs-me*) и не нуждается в комментариях.

В греческом представлены окончания *-μεν* и *-μες*. Первое соотносится с хеттским вторичным окончанием *-men*, а второе — с первичным окончанием *-mas* в санскрите. Согласно Баку [10, с. 245—246], *-μεν* по происхождению — вторичное, а *-μες* — первичное окончание. В греческих диалектах один из показателей сохранился, а другой утратился.

Остальные дочерние языки сильно варьируют в отношении первичного и вторичного окончаний 1 л. мн. ч., однако все факты указывают на исходное **-me* (см. подробнее [2, с. 229—230]).

8. Окончание 2 л. мн. числа.

Этот личный показатель атематических глаголов реконструируется в виде **-te*:

Несмотря на то, что в хеттском представлено *-ten*, окончание *-te* в греческом и санскрите указывает на отсутствие назализации. Об этом же свидетельствуют и данные других дочерних языков: литов. первичное *ēs-te*, вторичное *būvo-te*; церк.-слав. первичное *jes-te* и т.п.

9. Окончание 3 л. мн. числа.

Данное окончание атематических глаголов восстанавливается как **-en-t*:

Все дочерние языки свидетельствуют о том, что первичным окончанием атематических глаголов было **-en-t-i* (аблаутный вариант **-on-t-i*): скр. *sānti*; дор. *ἐντί* (< **ēnti*); умбр. *sent*; гот. *sind* и т.п. Лат. *sunt* и церк.-слав. *sqtb-* < **s-on-t-i*. Вторичное окончание сохранилось в скр. *āsan* (← **ē-s-en-t*, исходная форма **He-Hs-en-t*) и в гом. греч. *ῆν*. В обеих формах конечное *-t* утратилось, как и в формах 3 л. ед. ч. Др.-лат. *sient* — из формы оптатива **s-iy-en-t* (ср. гом. греч. *εἴεν*).

В хеттском представлены первичные окончания *-anzi* и *-enzi*. Наиболее частый вариант — *-anzi*, хотя *-enzi* встречается в ряде глаголов типа *i-e-en-zi* наряду с *i-ya-an-zi* "они делают". Эти окончания находятся в соответствии с первичными личными показателями, имеющимися в других дочерних языках — с учетом изменения исходного *-ti* → *-zi* в хеттском [но в других анатолийских языках этого перехода нет: пал. *-anti*, например, в *a-ta-a-an-ti* "они едят"; лув. *-anti*, например, в *wa-aš-ša-an-ti* "они одеваются"; лик. *-(n)ti*, например, в *iāti* "они кладут"]. Вторичное окончание в хеттском представлено в виде *-er*, что очевидным образом не соотносится ни с одной из приведенных выше форм. Стертевант [8, с. 141 и 144] считает это окончание заимствованием из *hi*-спря-

жения. Сопоставимые формы представлены в санскрите: *syūr*, авестийском: *hyār²*, в окончании 3 л. мн. ч. перфекта в латинском: *-ēre* и *-ērunt* [10, с. 296—297]. Подробнее этот вопрос будет рассмотрен ниже (§ 11).

10. Резюме.

Подводя итог изложенному выше, отметим, что вторичные личные показатели атематических глаголов восстанавливаются в позднем праиндоевропейском в следующем виде:

	Ед. ч.	Мн. ч.
1	* <i>Hés-m</i>	*(<i>He</i>) <i>s-mé</i>
2	* <i>Hés-s</i>	*(<i>He</i>) <i>s-té</i>
3	* <i>Hés-t</i>	*(<i>H</i>) <i>s-én-t</i> ([<i>H</i>]) <i>s-ér</i>

11. Дополнительные замечания об окончании 3 л. мн. числа.

Выше уже отмечалась аномальность вторичного окончания 3 л. мн. ч. Древнейшие окончания 1 и 2 л. мн. ч. имеют на конце ударные гласные. Даже в тех случаях, когда эти окончания включают в свой состав *-n*, как, например, в хеттском и греческом, они плохо сочетаются с личным показателем 3 л. мн. ч. Этот факт может свидетельствовать о различном происхождении окончаний 3 л. мн. ч., с одной стороны, и 1 и 2 л. мн. ч. — с другой.

Рассмотрим вопрос о том, было ли наращение **-t* в этом случае первичным. Отнюдь не безосновательным выглядит предположение о появлении **-t* по аналогии с окончанием 3 л. ед. ч. Если изъять это **-t*, то природа личного показателя 3 л. мн. ч. становится очевидной: мы получаем данное окончание в виде **-en*. Сопоставление этого окончания с хеттским вторичным окончанием 3 л. мн. ч. *-er* наводит на мысль об именных основах с неправильным склонением. Следовательно, можно предположить, что окончание 3 л. мн. ч. по своему происхождению является именным. На это же указывает Бэрроу [5, с. 318], а также Семереньи [3, с. 304]: "Окончания 3 л. мн. ч., *-nt* или *-r* соответственно, являются, видимо, по происхождению именными (20): *-nt-*, возможно, соотносится с показателем причастия *-nt-*; а *-r-* скорее всего — хотя и не вполне очевидным образом — с формантом медиопассива *-r...*".

Несомненно, что исходная модель восстанавливается как **-en/*-er*. С течением времени вариант **-er* оказывается почти полностью вытесненным вариантом **-en(i)*. Во всех дочерних неанатолийских языках обычным является именно окончание **-en*, в то время как **-er* сохраняется лишь в некоторых из этих языков и лишь в редких реликтовых формах.

Можно предположить, что для того чтобы внести некоторую регулярность в парадигму, окончания 1, 2 л. мн. ч. подверглись наращению **-n* по аналогии с формами 3 л. мн. ч. Этим можно объяснить **-n*, представленное, например, в хет. *-wen(i)*, *-ten(i)* и *-ten(i)*; скр. *-thana* и *-tana*; греч. мев. Данное наращение, по-видимому, всегда было факультативным. Но вся система была необратимо разрушена, когда окончание 3 л. мн. ч. подверглось наращению **-t*.

12. Дополнительные замечания об окончаниях 2 и 3 л. ед. числа.

В хеттском окончании *-t* представлено как в форме 2, так и в форме 3 л. ед.ч. Как уже было отмечено выше (§ 5), Стертевант полагал, что окончание 2 л. ед. ч. с *-t* происходит из окончания 3 л. ед. ч. Однако не исключено, что в действительности именно это окончание 2 л. ед. ч. является исходным; в таком случае хеттская форма представляет собой архаизм. Можно представить себе более ранний период развития, когда окончанием 2 л. ед. ч. было **-t*, а окончанием 3 л. ед. ч. — **-s*. Это бы означало, что окончание 3 л. ед. ч., представленное в дочерних неанатолийских языках, является по происхождению окончанием

2 л. ед. ч., в то время как окончание 2 л. ед. ч. является по происхождению окончанием 3 л. ед. ч. Уоткинс [12, с. 105] склоняется практически к тому же выводу и приводит [12, с. 90—106] обширный материал, подтверждающий тот факт, что исходным окончанием 3 л. ед. ч. было *-s.

Уоткинс [1, с. 119—120] считает, что форма императива без окончания — это след того состояния, когда чистая основа могла выступать в функции императива 2 л. ед. ч. Он полагает также [1, с. 49—51], что в исходной системе окончание индикатива 3 л. ед. ч. было нулевым, т.е. форма индикатива 3 л. ед. ч. была немаркированной в отношении лица. Если это действительно так (а Уоткинс приводит убедительные свидетельства в пользу данной точки зрения), то форма 3 л. ед. ч. индикатива и форма императива с чистой основой были идентичны. Уоткинс [1, с. 51—52] указывает на тесную взаимосвязь между этими формами и отмечает, что, возможно, форма 2 л. ед. ч. императива с чистой основой восходит к форме индикатива 3 л. ед. ч.: "... как было показано Е. Куриловичем, в том, что касается лица, отношения между индикативом (репрезентативный план) и императивом (апеллятивный) устроены так, что если основной (немаркированной по лицу) формой в 1-м случае является форма 3 л. ед. ч., то во 2-м случае такая форма — 2 л. ед. ч. В связи с этим указанные формы тесно друг с другом взаимосвязаны, и обе они как немаркированные по лицу с функциональной точки зрения могут не иметь и формальных личных показателей. Принимая во внимание отмеченную выше тенденцию императива сохранять без изменения формы, подвергшиеся преобразованиям в индикативе (лат. *legite* vs. *legitus*), можно считать, что следствием функционального тождества форм 3 л. ед. ч. индикатива = 2 л. ед. ч. императива является тот факт, что во 2 л. ед. ч. императива могла сохраниться более ранняя форма индикатива 3 л. ед. ч."

Из изложенного выше следует, что в один из моментов доисторического развития н.-е. языка форма 3 л. ед. ч. индикатива характеризовалась двумя типами показателей: (1) нулевым (т.е. данная форма была представлена чистой основой) и (2) окончанием *-s. [Одно из возможных объяснений этого факта будет предложено ниже (§ 14).] Постепенно форма индикатива 3 л. ед. ч. с чистой основой стала выступать в функции императива 2 л. ед. ч.

Наконец, Уоткинс [1, с. 32—34] отмечает, что для формы 2 л. мн. ч. индикатива реконструируется полная ступень основы. Поскольку такой аблаутной ступени здесь быть не должно, то можно предположить, что данный факт свидетельствует о преобразовании формы 2 л. ед. ч. индикатива под влиянием формы 2 л. ед. ч.

13. Дополнительные замечания о формах 1 л. ед., дв. и мн. числа.

В исторически засвидетельствованных дочерних языках формы 1 л. ед., мн. и дв. числа характеризуются двумя типами окончаний. Первый тип — это первичные и вторичные окончания 1 л. ед. ч. и 1 л. мн. ч. на *-m, обнаруживаемые во всех дочерних языках. Второй тип — *-w/u- окончания, представленные в 1 л. дв. ч. неанатолийских дочерних языков, в некоторых формах перфекта в санскрите, в латинском, в окончании 1 л. ед. ч. индикатива -wi в лувийском, в хеттских окончаниях 1 л. мн. ч. -wen(i)/-wani и во вторичном окончании 1 л. ед. ч. -u-n (см. выше, § 4).

Хотя исходное распределение этих окончаний не вполне ясно, по-видимому, все же имела место тенденция к употреблению *-w/u- окончаний в формах неединственного числа. Возможно, в исходной системе *-m было показателем ед. ч., а *-w — неединственного. С уверенностью можно утверждать только то, что указанные окончания часто смешивались, употребляясь как в формах единственного, так и неединственного числа.

14. Заключительные замечания.

На основании произведенного анализа мы можем реконструировать исходную систему окончаний атематических глаголов в следующем виде:

Ед. ч.	Мн. ч.
1 *Hés-m	* <i>(H)s-wé</i> (* <i>(H)s-mé</i>)
2 *Hés-t	* <i>(H)s-té</i>
3 *Hés-s, *Hés-∅	* <i>(H)s-én/ér</i>

Таким образом, происхождение личных показателей атематических глаголов становится более чем очевидным: они не могут быть чем-либо иным, как агглютинированными личными местоимениями [за исключением, конечно, окончания 3 л. мн. ч., именного по происхождению (см. выше, § 11)]: **me* "я, меня", **te* "ты"; **se* "он, оно"; **we* "мы, нам". Основываясь на предположении о том, что модель окончания 3 л. мн. ч. была первоначально той же, что и в формах 1 и 2 л. мн. ч., можно думать, что в исходной системе окончание 3 л. мн. ч. имело вид **(H)s-sé*. Кроме того, возможно, существовала и еще одна форма 1 л. ед. ч. с окончанием **w/u*: **Hés-w*, что объясняло бы анатолийские формы.

Можно полагать, что контраст между (А) формами ед. числа с окончаниями нулевой ступени и акцентированной основой полной ступени и (В) формами мн. числа с акцентированными окончаниями полной ступени и основой нулевой ступени является архаичным контрастом [13, с. 717]. Акцент должен был характеризоваться сильным ударением, что вело либо к редукции гласных в агглютинированных местоименных аффиксах, если оно падало на основу в ед. числе, либо к редукции гласных в основе, если оно падало на агглютинированные местоименные аффиксы во мн. числе:

Ед. ч.	Мн. ч.
1 *Hés+ <i>me</i> →*Hés-m	*Hés+ <i>wé</i> →* <i>(H)s-wé</i>
*Hés+ <i>we</i> →*Hés-w	*Hés+ <i>mé</i> →* <i>(H)s-mé</i>
2 *Hés+ <i>te</i> →*Hés-t	*Hés+ <i>té</i> →* <i>(H)s-té</i>
3 *Hés+ <i>se</i> →*Hés-s	*Hés+ <i>sé</i> →* <i>(H)s-sé</i>

Требует объяснений исходная форма 3 л. ед. ч. без окончания. Можно было бы допустить, что в ранний период в праиндоевропейском имели место два типа спряжения: (А) детерминативное (объектное) с окончанием **-s* в форме 3 л. ед. ч., по которому спрягались переходные глаголы, и (В) недетерминативное (субъектное) с окончанием **-∅* в той же форме, по которому спрягались непереходные глаголы. Если бы это было так (а следует заметить, что доказать данное положение не представляется возможным), то общая модель была бы очень близка той, что предложена Хайду для прауральского. Кроме того, если личные показатели атематических глаголов являются по своему происхождению агглютинированными личными местоимениями, как это было показано выше, то близость к прауральской системе становится еще более очевидной. В этой связи полезно привести обширную цитату из Хайду [14, с. 43—44]:

"Данный факт нельзя, конечно, считать решающим аргументом, но все же стоит отметить, что личные показатели глаголов в уральских языках — это в основном агглютинированные формы личных местоимений (т.е. приблизительно то же самое, что притяжательные суффиксы).

Весомым аргументом в дискуссии является тот факт, что уральским языкам свойственна одна характерная деталь: глаголы в этих языках имеют две формы 3 л. ед. ч.: одну — без личного показателя (точнее "корень + нулевой личный показатель"), а другую — с материально выраженным окончанием.

В частности, в угорских, самоедских и мордовских языках субъектное (недетерминативное) спряжение противопоставлено объектному (детерминативному)...

Подобная же двойственность обнаруживается и в других финно-угорских языках, где детерминативное и недетерминативное спряжения отсутствуют. Для этих языков противопоставление форм 3 л. ед. ч. с личным показателем и без него не столь характерно. И все же, если проанализировать материал таких языков, то становится очевидным, что формы 3 л. ед. ч. с личными показателями свойственны переходным глаголам, а формы без показателей — непереходным. Принимая во внимание тот факт, что подобная двойственность свойственна всем языкам данной семьи и что в этих языках наблюдается функциональный параллелизм, мы можем с уверенностью утверждать, что глаголы имели две формы 3 л. ед. ч. еще в прауральский период. В то время форма с личным показателем употреблялась в сочетании с определенным объектом. Местоимение 3 л., использованное в качестве личного показателя в подобных формах, первоначально имело значение аккузатива.

Итак, различие детерминативного и недетерминативного спряжений в 3 л. существовало еще в прауральском. Позднее, во время раздельного существования языковых групп, данное противопоставление было распространено и на формы 1 и 2 л. Соответственно, детерминативные (объектные) и недетерминативные (субъектные) личные показатели были дифференцированы и в указанных формах.

Личные показатели глаголов могут быть реконструированы для прауральского в следующем виде:

Ед. ч.		
1 л.	2 л.	3 л.
-m	-i	недетерм. $\emptyset$ детерм. -se

Что же касается функции личного показателя глагола 3 л., восходящего к местоимению, то здесь мы имеем дело с резко выраженным генетическим отличием. Личные показатели 1 и 2 (точнее — предшествовавшие им формы личных местоимений) указывали на субъект действия. В парадигме глагола не было необходимости специально обозначать 3 л., поскольку данная форма надежно идентифицировалась вследствие отсутствия личного показателя, противопоставленного наличию этих показателей в 1 и 2 л. И в тех случаях, когда в форме 3 л. был представлен показатель *-se, он не указывал — в отличие от показателей 1 и 2 л. — на субъект действия, а косвенным образом свидетельствовал об определенном объекте действия. Ранее [14, с. 39—40] Хайду обсуждал роль местоимений в формировании некоторых суффиксов:

«Местоимения, видимо, сыграли решающую роль в формировании некоторых суффиксов. Так, например, очень характерная группа — притяжательные личные суффиксы — может быть сведена к личным местоимениям. В венгерском, а также в родственных ему языках обладатель чего-либо может быть обозначен при помощи притяжательных суффиксов, присоединяемых к слову, обозначающему объект обладания:

<i>hajó</i>	"лодка, корабль":	<i>hajó-m</i>	"моя лодка"
		<i>hajó-d</i>	"твоя лодка"
		<i>hajó-ja</i>	"его лодка" и т.п.

В приведенных примерах морфемы -m для формы 1 л. ед. ч., -d для 2 л. ед. ч. и -ja для 3 л. ед. ч. — не что иное, как ставшие суффиксами прауральские личные местоимения *me "я", *te "ты" и *se "он". В венгерском гласный прономинального форманта был утрачен, *i во 2 л. подверглось озвончению, *s

в 3 л. утратилось, а гласный совпал с конечным гласным корня *-á/-é*, позднее утратив долготу (*-a/-e*), в то же время в некоторых типах корней появился глайд *-j-*, обобщенный как начальная морфофонема формы 3 л. ед. ч.

По тому же принципу строится система притяжательных суффиксов и в других уральских языках. Под идентичностью принципов мы понимаем тот факт, что притяжательные суффиксы всех уральских языков восходят к соответствующим личным местоимениям и, следовательно, могут быть выведены из общих исходных форм, а также тот факт, что данная система суффиксов предназначена для выражения не только лица обладателя, но и числа субъекта обладания (единственного, множественного, а в некоторых языках и двойственного), и, наконец, то обстоятельство, что эти же суффиксы могут выражать и число объекта обладания (число субъекта обычно выражается добавлением показателя числа к притяжательному суффиксу, а число объекта — вставкой умножающего (удваивающего) маркера перед суффиксом).

Из изложенного выше мы можем заключить, что система притяжательных суффиксов существовала еще в прауральском, где сначала личные местоимения выступали в виде энклитик, а позднее превратились в суффиксы, представленные формами ед. и мн. (а возможно, и дв.) числа личных местоимений или их модифицированными формами. В соответствии с этим система притяжательных суффиксов уральского периода может быть реконструирована в следующем виде:

	Ед.	Мн. (и.-е. дв.)
1	<i>-me</i>	<i>-me</i> + показатель мн. (дв.) ч.
2	<i>-te</i>	<i>-te</i> + " "
3	<i>-se</i>	<i>-se</i> + " "

В настоящей работе мы не будем останавливаться на предположениях, вытекающих из неправдоподобно близкого сходства праиндоевропейской и прауральской систем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Watkins C.* Indogermanische Grammatik. III. 1: Geschichte der indogermanischen Verbalflexion. Heidelberg, 1969.
2. *Meillet A.* Introduction à l'étude comparative des langues indo-européennes. University of Alabama, 1964 (reprint).
3. *Szemerényi O.* Einführung in die vergleichende Sprachwissenschaft. Darmstadt, 1970.
4. *Kerns J.A., Schwartz B.* A sketch of the Indo-European finite verb. Leiden, 1972.
5. *Burrow Th.* The Sanskrit language. 3-rd ed. L., 1973.
6. *Benveniste E.* Hittite et indoeuropéen. P., 1962.
7. *Bomhard A.R.* Toward Proto-Nostratic: A new approach to the comparison of Proto-Indo-European and Proto-Afroasiatic. Amsterdam, 1984.
8. *Sturtevant E.H.* A comparative grammar of the Hittite Language. 2-nd ed. V. I. New Haven, 1951.
9. *Brugmann K.* Grundriß der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Bd II. 3.2 Strassburg, 1916.
10. *Buck K.D.* Comparative grammar of Greek and Latin. 6-th impression. Chicago, 1955.
11. *Kronasser H.* Vergleichende Laut- und Formenlehre des Hethitischen. Heidelberg, 1956.
12. *Watkins C.* Indo-European origins of the Celtic verb. I: The sigmatic aorist. Dublin, 1962.
13. *Kerns J.A., Schwartz B.* Chronology of athematics and thematics in Proto-Indo-European // Language. 1968. 44.
14. *Hajdú P.* The origin of Hungarian // The Hungarian language / Ed. by Lorand B., Samu I. The Hague, 1972.

Перевели с английского *Князев С.В., Тер-Аванесова А.В.*